

Юлия Кузнецова

Скелет за шкафом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547975

Юлия Кузнецова. Зимняя книга приключений: повести: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52660-4

Аннотация

В МГУ похищена важная рукопись – результат многолетних научных изысканий. Абитуриентке Гаянэ, по прозвищу Гайка, ничего не остается, как согласиться расследовать это странное происшествие. Подозреваемых трое. Все три девушки – пятикурсницы, у каждой из которой есть очень веская причина пойти на такой рискованный шаг. Но кто же все-таки совершил кражу? Умная и решительная Анжела? Нуждающаяся в деньгах Варя? Или увлекающаяся культурой эмо Рита? Гайка идет по следу, но сможет ли она разобраться в хитросплетениях университетской жизни и найти украденное?

Содержание

Вступление	4
Глава 1,	6
Глава 2,	9
Глава 3,	13
Глава 4,	18
Глава 5,	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Кузнецова

Скелет в шкафу

Вступление

– Врешь! – с вытаращенными глазами воскликнул Рыжий и чуть не выронил карты.

– Мамой клянусь, – захихикал дед.

Он потер небритый подбородок и продолжил:

– Ирка поклялась. Трет, мол, свеклу в кастрюлю. Башкой туда – нырк! Поелозит. И готово. Так и красится. А ты, Рыжий, отбивай-ка!

Дед кинул на стол «валета».

– Да как ты... – пробормотал Рыжий и, оторвав взгляд от своего «веера», заорал, – ты ко мне подглядел!

Дед расхохотался на всю охранническую и закашлялся.

– А про Ирку все-таки наврал? – сердито спросил Рыжий, – не красится она свеклой?!

– Не ори, – сквозь смех и кашель выговорил дед, – старшего разбудишь. Продул – так продул!

Рыжий раздраженно швырнул на стол свой «веер» и похлопал себя по карманам в поисках сигарет.

– Если бы я честно продул, – проворчал он, закуривая, – ты чего со мной так, дед, а?

– А чего ты такой рыжий, а?

Дед снова начал смеяться и опять закашлялся. Он кашлял и кашлял не переставая.

– Кончай ржать надо мною! – разозлился Рыжий.

Но дед не смеялся. Он кашлял, выпучив глаза, и показывал пальцем куда-то за спину Рыжего. Рыжий обернулся. Сигарета выпала у него изо рта.

За окном на земле горел стул. Откуда он взялся?! Хрипя, дед показал пальцем вверх.

– Упал? – не поверил Рыжий и выругался – упавшая сигарета прожгла штанину.

Он сбросил ее, затоптал.

– Буди старшего! – прохрипел дед, – наверху горит!

Рыжий вскочил и помчался в крошечную каморку, где спал старший охранник первого гуманитарного корпуса МГУ. По дороге Рыжий все повторял: «Ну дела... Пожар... Ну ваще...»

В каморке беззвучно мигал телевизор. Гремел храп старшего, бывшего моряка. Над койкой была растянута веревка с мокрыми носками.

– Василь! – позвал Рыжий, – Василь Палыч!

– Слушаю! – бодрым голосом отозвался старший.

Он научился говорить бодро и продолжать спать еще на флоте.

– Там пожар!

– А кто у нас ответственный за пожаробезопасность? – уточнил сквозь сон старший.

– Так... вы, – промямлил Рыжий.

– А? Что?! – наконец проснулся старший, и Рыжий вдруг испугался: может, им с дедом привиделось? Все-таки сегодня Иркин день рождения долго отмечали. Ирка еще со стола убирает, кстати. Надо выгнать.

Он приник к мутному окошку и вдруг увидел в свете горящего стула три убегающие тени. Ирка-гардеробщица? Нет, она толстая.

– Вон они! – закричал Рыжий, – поджигатели!

Старший вскочил и запутался в веревке с мокрыми носками. Он взревел, нащупал у подушки дубинку и босиком выбежал в коридор.

– Кто запер дверь на улицу? – слышался его крик.

– Мы и заперли!

– Так какие же они, елки, поджигатели? Ты, Рыжий, кончай галлюцинировать! Звони «01»! Я наверх!

Рыжий взял трубку телефона и нажал две кнопки. Пока ждал дежурную, качал головой. Он точно видел, что эти тени отделились от корпуса. Две девчонки и один парень. Поджигатели.

Глава 1, в которой я убеждаюсь, что жизнь – отвратительная штука

Лифт остановился. Я выскочила на площадку и принялась шарить по карманам «кенгурушки». Моя рука несколько раз нащупывала ключи, но я этого не замечала.

Жизнь прекрасна! Я счастлива. На уроке информатики мне удалось зайти на любимый сайт «Создай комикс». На своей страничке я прочла долгожданную весть: меня собираются простить.

В июне я вернулась с родителями из Америки, где прожила полгода, учась в школе при посольстве, и представила своим друзьям-комиксистам новые работы.

Сколько упреков я услышала в свой адрес! «Попала под влияние бездушных американских картинок», «создала жалкое подражание уродливым героям американских комиксов», «отступила от канонов», даже «предала мангу»!

Я пыталась объяснить, что это не предательство, а всего лишь новые мотивы в моем творчестве, я по-прежнему рисую «мангу», просто немного по-другому, но меня никто не понял.

Наконец-то сегодня мне назначил встречу один из супермастеров. Кажется, ему понравились мои работы, и он сможет убедить моих коллег-«мангак», что я не предатель. Ребята-художники тоже должны прийти на встречу, послушать супермастера.

Я глянула на часы. Без четверти четыре. Встреча назначена на шесть. Собираемся в беседке в Нескучном саду, наша компания давно застолбила ее для встреч «в реале».

Все, что от меня требуется, это прогулять дурацкое занятие по фонетике. Хорошо, что никого нет дома и никто не проследит, что я одеваюсь и крашусь совсем не так, как если бы я ехала к преподавателю.

Наконец я нашла ключ. Вставила его в замок. О нет! Дома кто-то есть.

Хоть бы это была мама! Она так увлечена написанием докторской диссертации, что вряд ли заметит, даже если я пойду на занятие голой.

– Привет, милая! – весело сказал папа, распахивая дверь.

– О, – только и выговорила я, – ты... ты ненадолго домой?

– Надолго! Специально отпросился, чтобы отвезти дочурку в МГУ на занятие по фонетике.

У меня подкосились ноги. Папа подхватил меня.

– Это от усталости, – с тревогой сказал он, – вас перегружают в школе. Иди скорее поешь, мама оставила нам обед.

– Что она приготовила? Как обычно, жареный пластилин?

Папа засмеялся:

– Быстренько обедай, и поехали.

То, что приготовила мама на этот раз, смахивало на вареный картон. Но я ее не виню: докторская полностью захватила ее. Да я бы сжевала и печеный ластик, пока размышляла, как мне начать разговор с папой. Может, так: «Извини, но...» Или так: «Прости, пап, я...» А может, просто резко заявить: «Я не хочу...»

– Гаечка, скоро? – ласково спросил папа, появившись в кухне.

Я чуть не подавилась.

– Пап, ну ты вообще!

– Как я выгляжу?

– Хм... если бы не седина, на двадцать лет! А зачем ты надел джинсы и эту студенческую рубашку?

– Потому что хочу выглядеть студентом, – подмигнул мне папа, – и хочу вспомнить студенческие времена. Какое это было счастливое время!

Я поникла.

– Что случилось? Невкусно?

– Да нет, нормально. Пап, я давно тебе хочу сказать... Я...

Папа посмотрел на меня, поправляя воротник рубашки.

– Я сегодня не поеду к Анне Семеновне! – выпалила я, – я встречаюсь с друзьями в Нескучном.

Папа замер и нахмурился:

– Что еще за новости?

– Это старости, а не новости. Пап, я не хочу поступать в университет. Я не хочу учиться на переводчика.

Папа сел на табурет рядом со мной:

– Послушай, Гаянэ. Когда я пытался перевести тебя в гимназию, а ты сказала, что не хочешь, потому что тебе нравится учительница по рисованию, я молчал. Когда в Америке я записал тебя на курсы английского языка, а ты просидела полгода на скамейке в Центральном парке, рисуя Супермена и кота Марфилда...

– Гарфилда!

– Гарфилда. Так вот, я молчал. Но моему терпению пришел конец. Ты выросла. Девятый класс! Скоро поступать! Забудь ты о своих игрушках. Пора заняться делом!

– Комиксы – не игрушки! – обиделась я и выбежала из кухни, чуть не опрокинув на пол кастрюлю супа.

В комнате я упала на кровать и схватила мобильник. «Так и знала, так и знала!» – бормотала я, печатая своим друзьям-комиксистам эсэмэски о том, что я не смогу прийти в Нескучный. Вместо этого я буду напрягать подбородок и растягивать губы, учась настоящему английскому произношению у бывшей учительницы моего папы, Анны Семеновны Розенталь-Шпигель. Бе-е!

Я подскочила к мольберту, схватила цветные карандаши. Раз! Два! Вжик! Принцесса Мононоке или *СанСан* – героиня мультфильма Х. Миядзаки «Принцесса Мононоке», помогающая древним духам и зверям бороться с людьми, вырубаящими лес. «Мононоке» переводится как «мстительный дух».} готова. Она прекрасна в своей короткой синей юбке, с накидкой из волчьей шерсти, сжимающая кинжал и сурово взирающая на моего папу.

«Сан! – взмолилась я, – умоляю! Оседлай одного из гигантских волков и приезжай меня спасти! Избавь от транскрипций, интонационных контуров и глубокого звука «О»!»

– За что ты так ее ненавидишь? – спросил папа, снова появившись в дверях.

– Кого?

– Анну Семеновну.

– Мне на нее плевать. Я ненавижу английский. Не хочу быть переводчиком, – ответила я, снимая листок с мольберта и перекладывая на планшет, чтобы показать его друзьям в сети.

– А кем ты хочешь быть? – спросил папа, наблюдая за моими действиями, – комиксистом? Или, как вы говорите, мангакой?

– Почему обязательно мангакой? – пожала я плечами, – я просто хочу рисовать. Я этим живу.

Я залюбовалась Сан. Некоторые мои друзья говорят, что удачный рисунок можно создать только в состоянии пылкой ненависти или страстной любви. Похоже, они правы!

– Ты этим живешь, – повторил папа, – а ты сможешь этим себя кормить?

Я нахмурилась.

– Сможешь достаточно зарабатывать? – продолжал атаку папа, – мы с мамой не сможем вечно обеспечивать тебя.

– Я найду работу.

– Где? Мы не в Америке. У нас не принято зарабатывать на жизнь комиксами.

– Я буду первой.

– А если не выйдет? Если прогорит? Будешь побираться? У тебя должна быть нормальная профессия, Гаянэ. А чтобы ее получить, ты должна трудиться уже сейчас.

– Но почему – синхронный переводчик?! – чуть не заплакала я.

– Это мечта, а не профессия! Да ты только представь себе! Сделка или переговоры на высшем уровне! И все-все зависит от тебя! Потому что стороны, заключающие сделку, без тебя друг друга не поймут. Это могущество переводчика, понимаешь? В свое время я мечтал стать синхронистом. Но мои родители не могли обеспечить мне подготовку. У них не было средств.

Я покосилась на конверт с деньгами, приготовленный для Анны Семеновны.

– А я могу подготовить тебя к поступлению в университет. Знаешь, сколько народу об этом мечтает?

– Я не мечтаю, – пробормотала я.

Но спорить не стала. Я и правда была не уверена, что смогу зарабатывать на жизнь рисованием. Возможно, папа и прав.

– Ладно, – смягчился папа, – рисование можно оставить как хобби. Собирайся. Анна Семеновна не любила опаздывающих студентов еще в мое время.

Папа вышел. Я вздохнула. Сан показалась мне еще прекраснее. Никогда в жизни я так страстно не желала рисовать.

– Я такая несчастная, – пожаловалась я принцессе, – все бы отдала, лишь бы не видеть этот дурацкий университет и Анну Семеновну Розенталь-Шпигель. Не фамилия, а песня с припевом. А уроки у нее какие скучные! Англо-русский словарь и то веселее вслух читать. Там хоть картинки имеются...

Глава 2, в которой мое настроение ухудшается с каждой секундой

Без десяти шесть папа въехал на своем «фольке» на территорию МГУ. Мы покатали по улице Академика Хохлова, в конце которой высился первый гуманитарный корпус. Я бросила завистливый взгляд на «Кафемакс», куда мы пошли бы с моими друзьями-мангаками после прогулки по Нескучному. Они бы послушались супермастера и приняли мои рисунки, я знаю! А затем мы выпили бы по коктейлю за наши комиксы. А какие в «Кафемаксе» омлеты с сыром, м-м-м! Это вам не мамин супчик.

Я с трудом оторвалась от созерцания стеклянной витрины «Кафемакса» и уставилась на первый гуманитарный. Ну, привет, страшилище тоскливо-фиолетовое.

Кстати, для меня фиолетовый – цвет депрессии.

Здание смотрелось еще более уныло на фоне золотистых кленов и рыжих рябиновых гроздей.

– Не грусти, – утешил меня папа, паркуя машину у заднего входа в первый гуманитарный, – это у тебя от неуверенности в себе. Ты думаешь, что ты не сможешь. А ты начни работать – и все получится. Даже интересно станет.

– Угу, как же.

– Мне было бы интересно, – сказал папа, рассматривая студенток, пробегающих мимо с книгами под мышками.

– Может, ты двинешь вместо меня? Вот твоя Шпигенталь-Розен обрадуется!

– Не дерзи. Мне хорошо быть самим собой.

– Жаль, что мне нельзя быть собой, – прошептала я и выскочила из «фолька».

Нацепила капюшон «кенгурушки» и двинулась по тропинке в обход здания.

– Ты куда? – крикнул мне вслед папа.

– А ты как думаешь?

– А ты не сбежишь?

Я обернулась. Две молоденькие студентки, проходящие мимо папы, захихикали и уставились на его «Фольксваген».

– Как я сбегу? Там же забор!

– Тогда почему не зайти с заднего входа?

– Он закрыт. Ты, видно, давно студентом был, ПАПА!

Студентки перестали хихикать и отошли.

– До встречи дома, ПАПА! Передай МАМЕ спасибо за суп, – продолжала потешаться я.

– Сама передашь. Я тебя подожду в «Кафемаксе». Тамошний омлет, говорят, неплох.

Я воздела руки к небу и побрела ко входу, стараясь надышаться славным осенним запахом свободы. В воздухе ощущалось и что-то еще. Запах костра, вот что. Наверное, жгут кучи листьев за спортивным полем. Я прикрыла глаза и снова глубоко вдохнула. А когда открыла глаза, то подпрыгнула. Впереди шел Прозрачный.

Несколько недель назад у моих комиксов появился виртуальный поклонник. Вместо имени всего одна буква – «Z». Он подверг мои рисунки, выставленные на «Создай_комикс», тщательному разбору, из которого следовало, что мои комиксы гениальны настолько, что хоть сейчас – в печать.

Я вежливо поблагодарила, но особого внимания на поклонника не обратила. До тех пор, пока друзья не обозвали меня предательницей за американские мотивы. Меня осудили, кроме этого виртуального поклонника. Z по-прежнему разбирал мои комиксы и находил в них все больше и больше достоинств.

Устав от перебранки с друзьями, я согласилась на встречу с Z. Мне хотелось подпитаться энергией его комплиментов, почувствовать уверенность в том, что я делаю. Встречу назначили у МГУ, в котором учился мой поклонник.

Я уточнила у Z по аське: «Ты высокий?»

«Выше тебя», – уверенно заявил он. На встречу я не шла – летела. Одна из моих основных проблем с мальчишками в том, что я выше любого сверстника на голову.

Это было мое первое свидание по Интернету. Оно же – последнее.

Парень, скрывавшийся под ником Z, испугал меня до смерти. Страшно худой, будто после жуткой болезни, он подлетел ко мне у входа в гуманитарный корпус и протянул длинную костлявую руку, торчащую из рукава черного балахона, похожего на кимоно.

Другой рукой он отбросил с головы капюшон. У меня перехватило дыхание при взгляде на его узкое бледное лицо с острым носом и огромными прозрачно-голубыми глазами.

Ветер растрепал его светлые волосы. Тонкие губы скривило подобие улыбки. Мое сердце подпрыгнуло. Мне показалось, что сейчас он приблизится и поглотит меня своими глазами-озерами. Он действительно оказался высоким. Высоким вороньим пугалом.

– Я вижу твою судьбу, – прошептал он и дотронулся до моего лба.

Страх пронзил меня от макушки до пяток. Я бросилась бежать.

– Скоро тебе потребуется моя помощь! – донесся до меня его глухой подвывающий голос.

Я не видела Прозрачного несколько месяцев. Во всех социальных сетях сразу занесла в черный список. И вот – пожалуйста. Ветер несет мне его навстречу. У меня закололо в ладонях от ужаса. Я быстро осмотрелась. Спрятаться негде – деревья слишком редкие, а за ними – действительно забор. За корпусом меня ждет папа.

Что ж, выхода нет. У меня есть одно странное умение, самое время его использовать.

Я поспешила к бассейну, установленному перед корпусом. Он был пуст, воду уже слили. Осталась только грязная лужица. Сколько тут глубины, метра два с половиной?

Я спрыгнула. Грязь полетела во все стороны. Жалко кеды и джинсы. Но умение проверено – все действует.

Я научилась этому в Америке у одного уличного танцора, выплясывающего на дорожке Центрального парка. Он показал мне, как прыгать с высоты и не отбить пяток. Мой личный рекорд – три с половиной метра. Хотя танцор утверждал, что можно прыгать и с пяти. Главное – правильно сгруппироваться. Большой высоты все-таки побаиваюсь.

Зато сейчас я спрыгнула очень удачно. В бассейне пережду, пока пройдет Прозрачный. Правда, я опоздаю на занятия, но лучше выслушать выговор Анны Семеновны, чем очередное прорицание (или проклятие?) Прозрачного.

Наконец, по моим прикидкам, это пугало должно было пройти. Я взялась за лестницу и вдруг, к своему ужасу, обнаружила, что она сломана! Перекладыны треснули и отошли от основной части. Ох! Что мне делать?! Прыгать-то я умею, а вот вылезать... Придется звонить папе и терпеть позорный подъем с папиной помощью. Если рядом опять окажутся какие-нибудь студентки – засмеют. Я достала мобильный. Связь не работала.

– Помочь? – послышался тихий голос сверху.

Я подняла глаза. На краю бассейна лежал Прозрачный и протягивал мне худую руку. Я нервно хихикнула:

– Ты? Да ты такой легкий. Я тебя утяну вниз.

Его рука не дрогнула. Я вздохнула и подпрыгнула. Ухватила за его руку. Ледяная, как лестница, по которой я собиралась взобраться. Странно, но он вытянул меня одним махом. Ничего себе силач. Я встала, попыталась отряхнуть джинсы. Бесполезно. Он тоже поднялся, легко, как бумажный человечек-оригами. Стараясь не смотреть в его прозрачные глаза-озера, я открыла рот, чтобы поблагодарить.

– Бойся двуличных людей, – перебил он меня, снова прикоснувшись к моему лбу.

– Псих! – вырвалось у меня вместо благодарности.

Я развернулась и помчалась к корпусу. Это все из-за папы! Если бы он не настаивал на подготовительных занятиях по фонетике, я никогда бы больше не встретила это чудовище.

А знал бы папа, какое унижение ждет меня в корпусе. Папе никогда не приходилось иметь дело с рыжим охранником. Я всегда попадаю в его смену. Вместо того чтобы просто спросить, куда я иду, и записать данные моего паспорта, этот молодчик всегда издевается надо мной.

– Ты еще не студентка? Абитуриентка? А почему? Вроде немаленькая уже. Какой у тебя рост? Метра два небось?

Я его ненавижу. Но что я могу ему ответить?! К тому же вдруг он не пустит меня на занятия, если я скажу что-то в ответ.

В расстроенных чувствах я вошла в гардеробную и закашлялась от густого запаха хлорки.

– По грязи бегала? – сердито окликнула меня гардеробщица со странным свекольным цветом волос, елозившая щеткой под лавкой, – натоптала-то, ужас! Я только что пол вымыла!

Она не больно стукнула меня грязной половой тряпкой по новеньким серебристым кедам. Красавица-блондинка в красном кожаном плаще, причесывающаяся возле зеркала, глянула на меня и хмыкнула. Я сжала в кулаках шнурки «кенгурушки» и поспешила к лестнице, где на верху, на площадке, стоял стол рыжего охранника.

У лестницы я поскользнулась на только что вымытом полу и чуть не упала.

– В облаках витаешь? – крикнула мне гардеробщица вслед, – смотри под ноги! Студентка!

Вместо того чтобы смотреть под ноги, я зажмурилась и потопала вверх, в ожидании новых насмешек от Рыжего. Но он молчал. Опираясь на перила, я добралась до его стола и открыла глаза. К моему удивлению, Рыжий сидел не один. Рядом с ним устроилась женщина в милицмейской форме. Ее глаза были подведены стрелками, а волосы на голове закручены в строгий пучок.

– Вы уверены, что не разглядели этих людей? – спросила она.

– Дамочка, я вам восемь раз сказал – нет! – сердито ответил Рыжий.

– Вы поосторожнее, – предупредила она, – между прочим, охрану тоже можно привлечь за халатность.

– Меня? – возмутился Рыжий, – за халатность?! Я вам преступников описал, а вы меня привлечь хотите?

– Вы проявляете неуважение к представителям закона, – угрожающе сказала женщина, – отвечайте на мои вопросы. Больше от вас ничего не требуется! И преступниками этих людей называть не надо.

– Потому что вы их еще не поймали?

– Потому что они просто могли мимо идти!

«Так тебе и надо, – мстительно подумала я про Рыжего, – это тебя судьба за все гадости наказала, которые ты говорил». Мой страх испарился. Я незаметно сунула паспорт обратно в сумку и двинулась к лифту.

– А вы кто? – строго окликнула меня милиционерша, – студентка?

– Студентка! – с вызовом подтвердила я, – вон, гардеробщица меня знает!

– Погоди-ка, – начал Рыжий, – какая же ты сту...

– Вот вы затычка в каждой бочке! – раздраженно сказала милиционерша, – отвечайте на мои вопросы. Больше от вас ничего не требуется.

Выйдя из лифта, я почувствовала запах чего-то сгоревшего.

Свернула в коридор и столкнулась с заведующей кафедрой перевода Лилией Леонтьевной. К запаху гари примешался густой конфетный запах духов, исходивший от кружевного платка, которым Лилия Леонтьевна зажимала нос. Несмотря на нежное имя, эта высокая блондинка в очках-стрекозах, затянутая в леопардовый тренч, слыла самым строгим и придирчивым экзаменатором. Мне поступать в МГУ через два года, но я уже молюсь своим нарисованным богиням из комиксов, чтобы ее не принесло на мой экзамен.

Я быстро поздоровалась, намереваясь проскочить мимо.

– Вот она! – неожиданно взвизгнула Лилия, ткнув в меня длинным пальцем с ярко-накрашенным алым ногтем.

«Она что, знает меня, несчастную абитуриентку?» – удивилась я.

– Да, да, – скрипучим голосом подтвердила Анна Семеновна Розенталь-Шпигель, выплыв из темного коридора.

Анна Семеновна, похожая на старенькую божью коровку, подплыла к Лилии и убрала ее палец от моего носа. Она погладила Лилию по руке, словно успокаивая.

– Она, она, – пробормотала Анна Семеновна.

Лилия вырвала у нее руку и схватила меня за подбородок.

– Я гарантирую поступление на мой факультет, – прошептала она мне, – без экзаменов! Но найди мне ее!

– Мы найдем ее, – проскрипела Розенталь-Шпигель, снова убирая руку Лилии от меня, – мы обещаем. Гаянэ, дорогая, идите в конец коридора, в ту аудиторию, которую обычно занимают наши коллеги из Кореи. Подождите меня в ней.

– А кафедра? – растерянно спросила я.

– А кафедру обокрали! – завизжала Лилия и схватилась за голову.

Я испуганно отскочила и помчалась в конец коридора. В голове роились вопросы. Кого мне надо найти? Почему я поступлю без экзаменов? Кто-то обокрал кафедру? И поджег, судя по запаху.

А еще мне никак не удавалось отвязаться от мысли: как Розенталь-Шпигель читает лекции таким жутким скрипучим голосом?

Глава 3, в которой занятия по фонетике вдруг становятся потрясающе увлекательными

Я долго разглядывала надписи иероглифами, оставленные корейцами на доске, а потом не выдержала, взяла мел и нарисовала Пукку в купальнике. А когда я собиралась изобразить ее возлюбленного Гару, вошла Анна Семеновна с двумя пластиковыми стаканчиками, над которыми клубился пар.

– Будьте любезны, коллега, прикройте дверь и откройте окно, – попросила она, – хочется свежего воздуха.

Она осторожно поставила один стаканчик на парту, а другой – на преподавательское место.

– Садитесь, коллега. Чай – вам.

Я сбросила рюкзак и уселась, переваривая новую загадочную информацию. Университетский преподаватель принес чай абитуриентке?! Ну и ну... Да они только и горазды, что гонять нас за напитками к автомату. С какой стати мне оказан почет? Не связан ли он с просьбой Лилии найти таинственную «ее»?

– Спасибо, – поблагодарила я и придвинула чай к себе, – а что, Анна Семеновна, мы все время теперь будем заниматься в этой аудитории?

– Для дифтонгов, которыми я собиралась сегодня заняться с вами, коллега, это место подходит идеально, – сказала Анна Семеновна, размешивая в стаканчике с чаем сахар, – и доска хорошая, и мел у нас...

Она оглянулась на доску и на секунду задержала взгляд на моей Пукке.

– И мел у нас есть. Но боюсь, наши занятия придется временно перенести в другое место. У нас, в некотором роде, сложности на кафедре.

Я слушала ее вполуха, пытаюсь потопить в чае ложкой дольку лимона. Противная долька все всплывала и всплывала, только усиливая мое раздражение. Ненавижу эвфемизмы¹, которыми ученые пересыпают свою речь. «Воздухом дышать не особенно приятно». «В некотором роде сложности у них». В некотором роде сложности?! А по-моему, кого-то обокрали! И подожгли!

– Я имею в виду не пожар, – проскрипела Анна Семеновна, словно услышав мои мысли.

Она отхлебнула чай и вдруг заговорила низким бархатным голосом:

– В эту ночь из кафедрального сейфа украдена рукопись.

– Ваша?

– Лилии. Лилия Леонтьевна писала ее несколько лет. В этой рукописи собран материал о новейших методах преподавания теории перевода. Многие издательства будут готовы заплатить крупную сумму, чтобы получить эту рукопись.

– А зачем сожгли помещение? Чтобы замести следы?

Анна Семеновна вытащила ложечку из стакана, уложила ее на салфетку и снова оглянулась на Пукку, нарисованную на доске.

– Ваш папа говорил мне, что вы увлекаетесь комиксами.

– Серьезно? – удивилась я, – в смысле, жаловался?

¹ Эвфемизм – замена грубых или резких слов и выражений более мягкими.

– Еще он говорил, что прошлым летом в Звенигороде вы ловко расследовали дело о похищенном мальчике. Он вами гордится, ваш папа.

«Ну, это вряд ли», – подумала я.

– I want you to investigate this case², – объявила Анна Семеновна.

Эти преподаватели обожают неожиданно переходить на другой язык!

– Should I count the diphthongs in this phrase?³ – неуверенно переспросила я.

Анна Семеновна рассмеялась сухим смехом, похожим на скрип половиц у нас на даче. Видно, сладкий чай делал бархатистым только ее голос, но не смех.

– Расследовать, – повторила она по-русски, – вам нужно узнать, кто выкрал рукопись, сжег стул заведующей кафедрой и... Впрочем, все. Этого будет достаточно.

Моя рука дрогнула, и долька лимона неожиданно выскочила из стаканчика и упала на стол.

– Вы серьезно?

– Да. It's important to be earnest⁴. Вы понимаете меня?

– Понимаю.

Я ничего не понимала.

– Наверное, вам интересно будет узнать, что у нас имеются подозреваемые, но пока никаких мер мы не можем применить к виновному или виновным.

– А почему?

– Потому что у нас не один подозреваемый. Вернее, не одна. А целых три. Все три – наши студентки-пятикурсницы. Нужно выяснить, кто из них виновен.

– Как я, абитуриентка, могу это сделать? – удивилась я.

– Я направлю вас к ним на занятия. Скажу, что в качестве практики они должны будут преподавать фонетику и перевод абитуриентке.

Она покосилась на мои новые серебристые кедки и добавила:

– Под видом ученицы подошлю к ним Шерлока Холмса в кедах.

Снова скрипучий смех. Я достала носовой платок, завернула в него несчастную лимонную дольку, отпила чай и сказала:

– Значит, мне нужно понять, кто из них – вор и поджигатель?

– И найти рукопись. Лилия Леонтьевна больше всего переживает о своем труде. Она должна представить его в издательство до конца октября. Они уже заключили договор.

– Когда я могу начать расследование?

– Прямо сейчас. Я назову вам фамилии, скажу, как с ними можно связаться, а потом...

– А потом я хотела бы осмотреть место преступления, – перебила я ее, – Василий Ливанов в роли Шерлока Холмса всегда так делал.

– Нет. В нашем случае это не потребуется.

– Почему?!

– Полиция пока не пускает туда.

– А вы не можете меня туда провести?

– Не хотелось бы иметь проблем с полицией.

– Тогда хоть скажите, что сгорело?

– Стул Лилии Леонтьевны.

– Надо мне все-таки осмотреть самой. Вдруг я найду какие-то улики?

² Я хочу, чтобы вы расследовали это дело.

³ Мне надо посчитать, сколько в этой фразе дифтонгов?

⁴ Тут важно быть серьезным. Анна Семеновна ссылается на название пьесы английского драматурга Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

– Я уже все осмотрела сама. Поверьте моему пятидесятилетнему опыту экзаменатора, ежегодно проверяющего тысячи письменных работ, осмотрела я все очень внимательно. Нашла только это.

Она раскрыла ридикюль и вынула зажигалку.

– Надо проверить отпечатки пальцев! – воскликнула я.

– Я уже проверила. Вы встретили внизу даму из местного отделения полиции? Она просветила мне эту зажигалку прибором. Она чиста. Преступница, вероятно, была в перчатках. Я нашла зажигалку на кафедральном столе, за которым проводятся заседания.

– И что, полицейские позволили вам оставить у себя улику?

– Ну, скажем, я обещала им занести ее позже.

«Значит, вы на самом деле не слишком боитесь проблем с полицией», – подумала я.

– Но я думаю, что они уже обо всем забыли. Их не слишком интересует это дело, поверьте. С их точки зрения, ничего особенного не пропало. А для нас – это дело огромной важности. Поэтому я и прошу вас заняться расследованием.

– У вас есть идеи, кому может принадлежать зажигалка?

– Одна из подозреваемых курит, – сказала Анна Семеновна, передавая мне зажигалку, – и стиль... Такая зажигалка в ее стиле.

На черном блестящем боку зажигалки был изображен женский профиль, под ним – красная роза. Я осторожно сунула улику в карманчик рюкзака.

– Однако если зажигалка и принадлежит нашей подозреваемой, – продолжила Анна Семеновна, – то не кажется ли вам подозрительным, простите за каламбур, что ее забыли на таком видном месте?

– Это логично.

– Все тексты для упражнений фонетикой я беру из детективов «Агаты Кристи», – гордо сказала Анна Семеновна.

– Это замечательно. Но мне все-таки нужно заглянуть на кафедру. Я хочу осмотреть сейф. Я должна знать, как его взломали.

– А он был не взломан, а вскрыт с помощью кода, – вздохнула Анна Семеновна, – этот факт и указал нам на первую подозреваемую. Анжела Михайловская. Лучшая ученица Лилии Леонтьевны. Ее правая рука и будущая лаборантка кафедры. Единственная из студентов, кому был известен код.

– Почему именно студентки? – проворчала я, записывая данные в тетрадь, – а не преподаватели?

– Кроме Анжелы, код известен только мне и Лилии Леонтьевне.

– А у вас есть алиби? – строго спросила я.

– Что-то вы осмелели, коллега, – улыбнулась Анна Семеновна.

– Разумеется. Я теперь не абитуриентка, а Шерлок Холмс в кедах.

– Поняла, мисс Холмс. У нас с Лилией Леонтьевной есть алиби – почти всю ночь мы отмечали защиту диссертации с кафедры языкознания в кафе в главном здании МГУ. Зря вы улыбаетесь. Преподаватели – тоже люди.

– Просто я радуюсь тому, что у вас есть алиби и мне не грозят шпионские занятия по фонетике с Лилией Леонтьевной, – сказала я, потирая нос, в который мне совсем недавно ткнули наманикюрным ногтем, – а какие могут быть мотивы у Анжелы?

– У всех трех девочек сходные мотивы. У всех был конфликт с Лилией. Начнем с Михайловской. Лилии не понравился материал для диплома Анжелы, который та собирала все лето. Возможно, Михайловская захотела отомстить Лилии, украв ее рукопись.

– И спалив ее стул.

– Теперь Варя Петрова. Девочка из многодетной семьи, принятая в свое время на льготных условиях. Учится отвратительно. Кажется, она вынуждена самостоятельно вести хозяй-

ство и заботиться о младших детях. Ее фамилию Лилия Леонтьевна на прошлой неделе включила в список на отчисление. Разразился скандал. Варя ворвалась на кафедру во время выступления Лилии Леонтьевны, кричала, что ни за что на свете не уйдет из университета, не получив диплома.

– А почему вы подозреваете ее?

– Ключи. Она единственная студентка, у которой есть, то есть был, ключ от кафедры. Она подрабатывает уборщицей.

– А не будет подозрительным для этой студентки, что вы посоветовали к ней обратиться за помощью? Ведь она плохо учится?

– Сейчас ей необходимо заслужить доверие кафедры, – веско сказала Анна Семеновна, – так что она ухватится за возможность это сделать, не раздумывая. И последняя подозреваемая...

«И последняя подозреваемая – Рита Гвоздь, – прочла я в своем блокноте, спускаясь на лифте на первый этаж, – умна, энергична. Студентка с большим нереализованным потенциалом. Страстно увлечена музыкой. Создала группу из двух человек. Мечтает попасть на «Фабрику звезд». Исповедует ценности молодежной субкультуры «эмо». Учеба в МГУ дает ей возможность жить в общежитии и заниматься музыкой (в ДК МГУ). В связи с многочисленными пропусками Риты ее фамилия тоже есть в списке на отчисление. Курит».

Я порылась в карманчике рюкзака, достала карандаш и подчеркнула слово «курит» двумя чертами.

Погруженная в свои размышления, я вышла из первого гуманитарного, забыв о рыжем охраннике и о вредной гардеробщице и даже о Прозрачном, наверняка шнырявшем где-то поблизости. Обошла корпус и уже направилась к папиной машине, но тут заметила, что у корпуса стоит та самая милиционерша с пучком и рассматривает какие-то доски, лежащие на земле. Да это же стул!

Почти сгоревший стул. Я подняла голову. Груда досок находилась как раз под окнами кафедры. Я прищурилась. В одном из окон кафедры не было стекла. Почему Анна Семеновна не сказала мне о разбитом стекле и выкинутом предмете? И все-таки, почему она не разрешила осмотреть кафедру?

– Я купил тебе сэндвич в «Кафемаксе», – сообщил папа, когда я села рядом с ним в машину.

– Спасибо.

Я развернула бутерброд и с аппетитом впилась зубами в мягкий батон.

– Видел там твоих друзей-мангак. Мне не понравилось, какими словами они обсуждали свои комиксы. «Круто», «реально»... Я был очень рад, что ты находишься на занятии с человеком высокого культурного уровня.

Папа осторожно вырулил на улицу Академика Хохлова и покосился на меня. Наверное, ожидал, что я начну возмущаться. Но я спокойно ела свой сэндвич.

– Ничего у них там не сгорело? – заметил папа.

– Понятия не имею!

Зря Прозрачный пугал меня двуличными людьми. Я и сама стала двуличной.

– Выглядишь усталой, – обеспокоился папа, – утомилась на занятии?

– Ну что ты, папа! Сегодня было потрясающе увлекательное занятие.

– Да? – удивился и обрадовался папа, – и что же вы проходили?

– М-м... Дифтонги. Да, именно дифтонги. Это потрясающе увлекательно.

– Шутишь?

– Ну что ты, папа. Тут важно быть серьезным.

– Ты от Анны Семеновны даже словечки перенимаешь! – засмеялся папа.

Улыбаясь, он повернул на Университетский проспект и слегка притормозил возле главного здания, любуясь башенками и шпилями.

– Мне никогда не давались дифтонги, – смущенно признался он, – не зря говорят, что дети бывают намного умнее родителей.

Папа расслабился и откинулся на спинку сиденья. Опустил окно и высунул руку навстречу ветру.

– Зато я могу открыть тебе один секрет, дочка. Ты ведь любишь всякие детективные штучки.

– Люблю, – с полным ртом подтвердила я.

– И наверняка задавалась вопросом: как с таким скрипучим голосом Анна Семеновна читает лекции в больших аудиториях? Я разгадал этот секрет, только когда стал пятикурсником и начал писать у Анны Семеновны диплом.

Я дожевала бутерброд, сунула в наружный карманчик рюкзака пакетик от сэндвича, мимоходом коснувшись блокнота и зажигалки, и ответила:

– Думаю, папа, все дело в горячем сладком чае с лимоном. Я разгадала секрет чуть пораньше, прости. Это не потому что дети умнее своих родителей. А потому, что я и правда люблю всякие детективные штучки.

Глава 4, в которой все словно сговариваются испортить мне настроение

Ранним утром в субботу я поехала на троллейбусе к Анжеле. Утро было чистое, умытое нежным сентябрьским дождиком, лужи высыхали прямо на глазах, и прохожие были все какие-то радостные, в светлых плащах и туфлях, словно впереди их ждал не октябрь, а май. В голове у меня крутился мотив песенки «Bad Romance»⁵. И хотя я рассматривала контролершу, пухлыми пальцами сжимающую свою сумку, висевшую на груди, и улыбающуюся своему отражению, думала я о Леди Гага. Не могу сказать, что мне нравятся ее песни, но вот перформанс у нее на высоте, и я каждый клип разглядываю как картину, столько там необычных визуальных образов.

И я все думала о том, что тоже хотела бы стать профессионалом в какой-то области, научиться делать какое-то дело так, чтобы без меня обойтись не могли. Только в какой области? Рисунок? Или все-таки перевод текстов, как мечтает папа?

Наконец мы доехали до улицы Строителей. Вошли два парня, один сказал: «Упс, проездной забыл», но кондукторша не обратила на него никакого внимания. Все разглядывала что-то в окне и улыбалась.

Насвистывая «Bad Romance», я подошла к дому Анжелы – девятиэтажному, из темного кирпича, с аккуратным двориком и ухоженными старушками, чинно выгуливающими своих пуделей.

«А если, – вдруг подумала я, – мне стать профессиональным детективом?»

В прошлом году в Звенигороде мне понравилось играть в сыщиков. Благодаря своему увлечению комиксами я помогла милиции найти мальчика, похищенного преступниками. В этот раз, видно, мое умение рисовать не потребуется.

Хотя я считаю, для сыщических дел это умение полезное. Во-первых, когда рисуешь, мозги лучше работают. Во-вторых, расследование похоже на рисование. Важны детали, чтобы создать образ.

Я протянула руку к домофону, набрала номер квартиры, нажала на кнопку «вызов».

– Иду-иду!

– Куда? – не поняла я, но домофон замолчал.

Я решила, что ошиблась номером. Полезла в рюкзак, достала блокнот. Странно, номер верный.

Я снова протянула руку к аппарату, но дверь вдруг распахнулась. Я придержала ее, чтобы пропустить выходящего, но никто не появился.

Я заглянула в подъезд. Поморгала, чтобы глаза привыкли к темноте, и увидела в глубине подъезда невысокого лысоватого человека в огромных очках. Он почесал кончик носа и спросил:

– Вы – Шаганэ?

– Гаянэ.

– Ох, простите, – испугался он, – а я все утро тренировался, запоминал ваше имя по Есенину. «Шаганэ, ты моя Шаганэ». Но в любом случае вы – та самая ученица, которую Анжеле прислала кафедра?

Я кивнула.

⁵ *Bad Romance* – сингл американской певицы Леди Гага.

– Что ж, это честь для нас, – обрадовался человек, – я очень рад, что на кафедре ценят преподавательские способности моей Анжелы. А я как раз спустился забрать почту. И решил встретить вас заодно. Хочу вас проводить к Анжеле.

– Вы ее отец? – догадалась я и вошла.

– Да, да, – закивал он, – и отец, и преподаватель.

В паузах он так странно шевелил челюстями, как будто что-то жевал.

– Вы тоже работаете в МГУ?

– Ой, нет! Пожалуйста, не надо! – заголосил отец Анжелы, видя, что я собираюсь захлопнуть входную дверь.

Я испугалась и подставила ногу.

– Что случилось?

– Я боюсь, когда хлопают дверьми, – шепотом сказал отец Анжелы, – двери могут, э-э, обидеться.

Он захихикал, но не весело, а с каким-то отчаянием. Да, дяденька был явно со странностями. К груди он прижимал белый пакет, видимо, почту.

Я потихоньку закрыла дверь и направилась к лестнице.

– Не наступайте на вторую ступеньку, – страдальческим голосом прошептал отец Анжелы, – только на первую и третью!

– Вторая может обидеться? – догадалась я.

– Вы очень сообразительны, – похвалил меня сумасшедший отец Анжелы, – ой, нет, я нажму сам. Я захватил носовой платок. Подержите-ка!

Он передал мне пакет.

«Диплом Анжелы Михайловской», – прочла я на нем.

Отец Анжелы обмотал палец платком и с великой осторожностью, будто к ядовитому пауку, прикоснулся к кнопке. Двери лифта захлопнулись. Он вздохнул с облегчением.

– Отвечаю на ваш вопрос, Шаганэ. Нет, я не преподаю в МГУ. Я веду семинары в Институте лингвистики. Но я, так сказать, продукт вашей кафедры.

Он снова засмеялся, и снова в его голосе звенело отчаяние. Лифт остановился, а отец Анжелы все продолжал смеяться.

– Папа, все в порядке? – послышался голос, и я готова была поклясться, что где-то слышала его.

Высокая, на голову выше меня и на две – отца, Анжела стояла на площадке, скрестив руки на груди. На ней была белая блузка и темно-синяя юбка до колен. Темные волосы собраны на макушке в тугий пучок. Улыбалась она одними губами, темные глаза продолговатой формы – оставались серьезными. Нос тонкий, острый, того и гляди – клюнет в висок.

– Что-то вы долго, – произнесла Анжела, и я поняла, что мне кажется знакомым.

Не голос – интонация. Спокойная, вроде бы доброжелательная. Но сразу понимаешь – на уме у человека что-то еще. Так разговаривает госпожа Эбоси⁶ из «Принцессы Мононоке». Не зря мне захотелось недавно изобразить Сан... Я как будто предчувствовала, что мне предстоит встреча с ее главной противницей – жестокой и властной хозяйкой рудника, госпожой Эбоси.

– Почему так долго? – спросила она у отца.

– Анжелочка, не сердись, мой ангел. Прости, м-мы заговорились. Ох, я не представился Шаганэ. Меня зовут Генрих Андреевич, и я...

– Она не нуждается в твоём имени. У нее не будет возможности в нём нуждаться.

⁶ Госпожа Эбоси – героиня мультфильма «Принцесса Мононоке», возглавляющая отряд людей, добывающих руду и уничтожающих лес, властная и умная.

Я растерянно посмотрела на нее. Это она так шутит? Мы вошли в квартиру. Мебель в прихожей, видно, сохранилась еще с советских времен, так же как и ковровая дорожка в коридоре, и большой белый телефон на подзеркальнике. Пахло каким-то лекарством.

– Анжелочка, диплом пришел по почте, – заискивающе сказал Генрих Андреевич дочери, запирающей за нами дверь.

– Нам устроить по этому поводу парад-карнавал?

Еще одна холодная улыбка. Я втянула голову в плечи.

– Ну зачем ты передергиваешь... Надо защитить авторские права. И гениальную идею.

– Папа, у моего диплома нет гениальной идеи. Если только гениальный список используемой литературы.

– А мне жаль даже список литературы, – возразил Генрих, – мне жаль любую часть твоего труда, если он будет присвоен кем-то. Вы даже не представляете, Шаганэ, насколько коварен может быть научный мир.

«Представляю», – подумала я, вспомнив об украденной рукописи Лилии Леонтьевны.

– Отнеси мой диплом на кухню, папа! И попей там чай. Часика два с половиной.

– Да, дорогая, ой...

Он что-то выронил. Опустился на колени и стал шарить руками по полу.

– Вам помочь? – спросила я.

– Да... Нет... Простите... стеклышко из очков вывалилось... Ах, вот оно. Простите еще раз. Просто недавно я потерял стеклышко и пришлось вставлять новое...

– ПАПА!

Генрих Андреевич смущенно улыбнулся мне, раскланялся и попятился к кухне. Настоящий псих.

Факт, что он псих, подтверждали и ботинки разного цвета. На левой ноге – коричневый, а на правой – черный. Интересно, «госпожа Эбоси» тоже не замечает, что папаша странно выглядит? Я покосилась на ее руки, скрещенные на груди, и не решилась озвучить свои сомнения.

– А вам, коллега, сюда, – бросила она и выразительно посмотрела на мои кеды.

«Поразительно! Значит, их она замечает, а папашины ботинки – нет?» – возмутилась я мысленно, разуваясь.

В прошлом году литераторша водила нас на экскурсию в дом-музей Толстого. Меня больше всего удивила скромность, с какой было обставлено жилище. Комната Анжелы напоминала девичью в доме-музее Толстого. Железная кровать, тонкий матрас. Старый, но крепкий письменный стол. Фиолетовые занавески, расшитые узорами, салфетки, связанные вручную. Жесткое кресло с прямой спинкой. А книг много. Ни цветов, ни яркой одежды, никаких девичьих прибабасов, которые могли бы указать, что в комнате живет молодая студентка. И никакой электроники. Как будто время остановилось в этой комнате.

– Садитесь за мой стол и доставайте учебники, – сказала Анжела и прикрыла за собой дверь.

Я посмотрела на нее. В голосе «госпожи Эбоси» вдруг зазвучало настоящее спокойствие, не деланое. У нее и лицо расслабилось, перестало быть таким жестким.

– Мне приходится быть с ним жесткой, – вздохнула Анжела, опускаясь в кресло рядом со мной, – иначе он совсем теряет ориентиры.

– Тяжело вам, – посочувствовала я, вытаскивая учебники из рюкзака.

– Ничего, – улыбнулась она, на этот раз – похоже, искренне, – я привыкла полностью руководить отцом после смерти мамы. Я для него – всё. Он счастлив, что я пошла по его стопам и тоже учусь на переводчика. Он мечтает, чтобы я переводила и преподавала.

– Вы молодец, Анжела. Я, по сравнению с вами, плохая дочь. Совсем не хочу идти по стопам отца-переводчика.

– А что вы хотите?

– Рисовать комиксы.

– Я бы никогда не пошла наперекор отцу, – покачала головой Анжела, – у него слабое сердце, и он не выдержит страданий. Совсем недавно у него был приступ.

«Вот чем пахнет в квартире, – подумала я, – сердечными каплями».

– Я отвезла его в больницу, – продолжила Анжела, – думала, сойду с ума от волнения. Он вроде бы оправился. Но я не хочу подвергать его новым мучениям. Даже не говорила о происшествии на нашей кафедре. Эта новость его добьет.

Она расстроено вздохнула.

– Добьет? – повторила я.

– Ну конечно. Вы ведь знаете, что на кафедре украли очень важную рукопись?

У меня заколотилось сердце. Как ответить? Вдруг Анжела догадается, зачем я тут.

– Во время пожара? – выкрутилась я.

– Пожара, – фыркнула Анжела, – сгорел лишь стул заведующей. И это они называют пожаром! Да, в ту ночь украли рукопись. Так вот, если отец узнает об этом... Он будет раздавлен. Он учился на нашей кафедре, несколько лет преподавал, до сих пор поддерживает со многими профессорами теплые отношения. В общем, сами видите, нервы у него слабые, сердце тоже. Не хочу заставлять его нервничать.

– А что это была за рукопись?

– Честно сказать, я не в курсе подробностей, – призналась Анжела, – но я знаю, что заведующая кафедрой уже начала переговоры с издательствами, и, в общем-то, есть желающие приобрести на нее права. Моя коллега, лаборант, с которой мы работаем посменно, жаловалась одно время, что представители издательств буквально атакуют ее просьбами выслать хотя бы часть рукописи по факсу.

– Так вы имеете доступ к рукописи, – сказала я как можно беспечнее, – вас-то не подозревают?

На всякий случай я хихикнула и подмигнула Анжеле.

– Если придут допрашивать, у меня, к сожалению, имеется алиби, – вздохнула Анжела, – но не будем о грустном. За работу! Так, дифтонги. Вы уже проходили их с Анной Семеновной?

– Нет, – вяло ответила я.

Я напряженно думала, как повернуть беседу вспять, но в голову ничего не лезло. Пришлось сосредоточиться на проклятуших дифтонгах.

– Не огорчайтесь, – воодушевилась Анжела, – я сейчас объясню вам все тонкости.

Следующие два часа оказались для меня настоящим мучением. Анжела вцепилась в меня мертвой хваткой, видимо, решив напичкать меня правилами произношения с головы до пят. А я могла думать только об одном – как спросить, что же у нее за грустное алиби такое?

– Ну что ж, – разочарованно сказала Анжела к концу второго часа, – я вижу, вы действительно думаете не о карьере переводчика, а о чем-то постороннем. Но вы попробуйте. Не сдавайтесь. Глубокое знание английского языка откроет перед вами гораздо более интересные перспективы, чем умение рисовать.

– Согласна, – кивнула я и фальшиво улыбнулась.

Анжела проводила меня до двери. Я села на корточки, чтобы завязать кроссовки, и неожиданно брякнула:

– А по-вашему мнению, кто мог украсть эту рукопись?

Анжела повернула голову в сторону. В дверях кухни стоял ее отец. Услышав мой вопрос, он прошел два шага вперед, схватился за тумбочку и свалил телефон.

– Уходите, – прошипела Анжела под грохот падающего телефонного аппарата.

Ледяное прикосновение ее руки вдруг обожгло мою шею. Она буквально вытолкала меня взащей и швырнула мне вслед рюкзак.

Я стояла на площадке, снедаемая чувством вины. Вот дурища! Совсем забыла про несчастного психованного папу, который может упасть в обморок от страшной новости, и разозлила Анжелу. А та только начала мне доверять. И перестала быть похожей на госпожу Эбоси. Когда мы беседовали, я видела не жестокую и решительную Анжелу, а страдающую из-за отца дочь. Простит ли она меня и откроет ли душу в следующий раз?

– Папа! Я же сказала, все в порядке! Перестань волноваться, пожалуйста.

Ответа ее отца я не расслышала. Зато снова услышала за дверью голос Анжелы. Четкий, спокойный, хорошо поставленный голос будущей учительницы.

– Ученица она посредственная. Меня беспокоит другое, папа. Мне кажется, она явилась к нам не из-за занятий.

Отец опять что-то ответил, а потом и голос Анжелы стал глуше, видимо, она ушла в глубь квартиры.

Зато я не могла сдвинуться с места. Так Анжела догадалась, что я засланный казачок?! Значит, я совершенно не умею притворяться... А как я расхвасталась перед Анной Семеновной, тьфу! Шерлок Холмс в кедах! А сама провалила первое же задание...

Теперь Анжела точно не скажет мне правду. Ведь она подозревает, что я вру... М-да, вот уж точно – «Bad Romance».

– Анжелочка! – снова послышался голос Генриха.

Я приникла к двери. Может, хоть удастся что-нибудь подслушать?

– А ты уверена, что Иру надо отослать обратно в деревню?

– Конечно, папа! Она и на новом рабочем месте продолжает рассказывать небылицы и всех пугать!

– Неудобно как-то, все-таки родственники...

– Папа, прекрати! Нужно ее отослать.

Я покачала головой. Узнать ничего не удалось. Все-таки как хорошо, что я не родственница Анжелы Михайловской.

На автобусной остановке меня ждал очередной неприятный сюрприз. Застыв, как Безликий Бог Каонаси⁷, под стеклянной крышей стоял Прозрачный в черном балахоне. Я напряглась, но деваться было некуда.

Сейчас подойдет автобус, который довезет меня до самого дома на Мосфильмовской. Топать до метро «Университет» и искать там другие маршрутки и автобусы из-за какого-то Прозрачного я не собираюсь. Можно притвориться, что я его не знаю.

Я так и сделала. Подошла с отсутствующим видом к остановке и уставилась на расписание. Хотя расписание я и так знала. Кто-то подошел и встал за моей спиной. Я не стала оборачиваться. Мало ли кому придет в голову посмотреть в расписание?

– Найди того, – послышался за спиной глухой голос Прозрачного, – кто умеет рисовать.

⁷ Безликий Бог Каонаси – божество, которое не имеет собственного лица, персонаж мультфильма Миядзаки «Унесенные призраками».

– Что ты несешь? – разозлилась я, разворачиваясь к нему.

– Я не несу. Я вижу тебя...

Он протянул худую руку и прикоснулся к моему лбу.

– В своих снах.

Так, все! На сегодня с меня хватит психов. Я рванулась к подошедшему автобусу. Он был переполнен, но я все-таки влезла на ступеньку, уцепившись за плащ какого-то толстяка, кудрявого, как оперный певец.

– Девушка, пустите, – взмолился он, – новый плащик-то! Порвете!

Он был весь красный от натуги, как будто и впрямь только что спел очередную арию.

– Ничего, – бодро ответила я и обхватила толстяка руками, – не беспокойтесь. Я влезу. А вас за талию возьму. Она-то у вас не новая?

На самом деле мне было не смешно, а страшно. Вдруг Прозрачный последует моему примеру? Мне совсем не улыбалось ощутить на своей талии его худые цепкие руки.

Но двери захлопнулись, автобус тронулся, а Прозрачный остался на остановке. Он по-прежнему рассматривал расписание так внимательно, словно там показывают клип Леди Гага.

Дома меня ждал очередной кулинарный шедевр мамы – горелая зеленая фасоль и котлетки с луком. В целях экономии времени мама не трет его на терке, а лишь крупно и не слишком аккуратно режет.

Я, не жуя, проглотила все это безобразие и поспешила подключиться к Интернету. Мне не терпелось забыть о бесполом дне, сумасшедших людях и проваленном допросе первого подозреваемого.

В аське, к своей радости, я обнаружила Веронику.

– *Салют, подружка*, – написала я ей, – *переходи на скайп!*

– *Хай, хани! Прости, не могу. Место неподходящее.*

Я озадаченно посмотрела на экран. Какое еще «неподходящее место»? Насколько я знаю, веб-камера стоит у Ники прямо на столе. Она обожает снимать себя с разных точек. Неугасшая мечта стать актрисой.

– *В каком смысле – место? Где ты? И скоро ли вернешься в Москву?*

– *Э-э, хани... мне придется задержаться в Нью-Йорке. Надо решить пару делишек.*

– *Каких делишек?*

– *Делишек с самыми странными людьми, которых я когда-либо видела. Я тут в одном месте... Quiet a weird place... Ладно, мне пора! Напишу потом.*

– *Скажи сейчас!* – взорвалась я.

Они что, сговорились сегодня меня достать?!

– *Не могу. Тут весело, поверь мне.*

Вероника отключилась. Я яростно нажала кнопку ноутбука, словно он был в чем-то виноват. Вынужденный резко выключиться, ноутбук жалобно пискнул.

«Ладно-ладно, – сказала я принцессе Мононоке, которую повесила над кроватью, – пусть все веселятся. И Анжела, и Вероника».

Расстроенная, я легла спать, надеясь, что мне приснится чудесная Лапута⁸, а не отец Анжелы в ботинках разного цвета или худая рука Прозрачного, торчащая из рукава балахона.

⁸ Лапута – легендарный летающий остров из мультфильма Миядзаки «Небесный замок Лапута».

Глава 5, в которой на меня совершается нападение по ошибке

Утром меня разбудила мама. Подошла к кровати и постучала по голове принцессы Мононоке.

– А, ты, без пяти минут доктор, – сонно сказала я маме, – я уже и забыла, как ты выглядишь... Спасибо за котлетки...

– Ты знаешь, что случилось с Вероникой? – с тревогой спросила мама.

– Что бы с ней ни случилось, ей там весело, – пробурчала я, все еще обиженная загадочным поведением подруги, – так она сказала вчера.

– Вчера ее перевели из реанимации.

– Что?!

Я подскочила на кровати.

– О чем ты?

– Звонила ее мать. Веронику госпитализировали неделю назад в нью-йоркскую клинику в отделение для людей, страдающих анорексией. Ты же знаешь, в последнее время она мечтала заключить контракт с каким-нибудь домом моды и старалась сохранить идеальную фигуру, питаясь крайне скудно.

– Какое «крайне скудно», мама?! Надоели мне ваши эвфемизмы! Она вообще ничего не ела!

– Наверное, так, – торопливо согласилась мама, – как бы то ни было, ее пытались кормить через зонд. Это такая трубочка...

Я содрогнулась.

– Она попыталась убежать. У клиники упала в обморок и не приходила в сознание несколько часов. Ее отправили в реанимацию. Вчера ее перевели в обычную палату.

– А она написала, что ей там весело, – прошептала я, потрясенная силой характера Ники.

– Это все из-за нас, родителей! – вдруг воскликнула мама, – с вами, детьми, происходят неприятности, потому что нам нет до вас дела. Мы занимаемся только собой.

– Что это с тобой, мам?

Мама наклонилась, схватила меня за плечи и испуганно спросила:

– Ты что-нибудь ела сегодня?

– Э-э. Нет еще.

– Почему?!

– Потому что я только что проснулась. Мам, прекрати. Посмотри на меня. Какая анорексия? Показать тебе пакет печенья, припрятанный под моей кроватью?

– Покажи! – обрадовалась мама, – если хочешь, я дам тебе денег, и ты спрячешь туда еще один?

– Мамуль, все хорошо. Я питаюсь нормально и вполне довольна жизнью. Пиши спокойно свою докторскую. А если хочешь потратить на меня деньги, то разреши позвонить в Нью-Йорк и спросить у Вероникиной мамы, чем я могу помочь Нике.

– Хорошими новостями, – грустно сказала мне мать Вероники, – ей можно помочь только хорошими новостями, которые вызовут в ней интерес к жизни. После того, как сразу два дома моды отказались заключать с ней контракт, потому что она слишком худая для них, Ника... просто не хочет... жить.

Последние слова она произнесла шепотом.

«Я буду писать ей отчеты о своем расследовании, – решила я, – это точно отвлечет ее от мрачных мыслей. Буду одновременно и Холмсом, и Ватсоном в кедах. Держись, подруга!»

Целый день я делала уроки на понедельник, а вечером поехала к Варя, на северо-восток Москвы.

Часов в пять я вышла из метро «Отрадное» и глубоко вздохнула. Меня слегка укачало в поезде, потому что всю дорогу я читала.

Я развернула бумажку с адресом. Судя по всему, Варя жила в одном из унылых серых домов, вытянувшихся вдоль сквера, расстилавшегося передо мной. И справа, и слева от центральной аллеи были детские площадки, где весело бегала малышня. Кто-то прыгал на куче сухих листьев, кто-то кидался песком и дрался лопатками, кого-то с ревом волокли домой. Я побрела по центральной аллее, обходя мамаш с колясками и размышляя о той статье, что я читала в метро.

Статью мне дала Анжела, велев перевести ее к следующему занятию. Речь в ней шла об «активном слушании». Насколько я поняла, если ты хочешь, чтобы собеседник доверял тебе, нужно его активно слушать, то есть его же или своими словами пытаться озвучить, что с ним происходит.

Например:

– Я тебя ненавижу!

– Я понимаю: ты очень расстроилась, потому что нам придется расстаться на время.

«А неплохой сыщицкий прием, – подумала я, – особенно для меня. Я же не имею права официально допрашивать свидетеля. Да и вопросы в лоб не приводят ни к чему хорошему». Я вздохнула, вспомнив вчерашний «допрос» Анжелы, и решила попрактиковать это «активное слушанье».

Выйдя из сквера, я перешла дорогу и свернула к нужной мне многоэтажке, чей серый фундамент украшало огромное ярко-желтое «ЗАЧЕМ» в стиле граффити. За мной свернул джип серебристого цвета.

Вот и нужный мне подъезд. Возле него на дереве была прикреплена коробка из-под принтера с прорезанными окошками, в которых виднелись куски батона и семечки. «Оригинальная кормушка», – подумала я, машинально отметив, что перестали шуршать колеса джипа за моей спиной.

Не решаясь оглянуться, я нажала на кнопку домофона.

– Открываю! – послышалось из аппарата, и в это же время за моей спиной хлопнула дверца машины.

Я дернула за ручку, нырнула в подъезд. «Бух! Бух!» – стучало у меня внутри. «Кто может меня преследовать?» – потрясенно думала я, поднимаясь на шестой этаж, на котором жила Варя.

Лампочка на площадке мигала. То темно, то светло, то снова темно. Я закашлялась – на площадке было здорово накурено. Массивная дверь, отделяющая квартирный отсек от остальной части площадки, была приоткрыта, но за ней – темнота. Я осторожно приблизилась.

– Эй... Варя?

Тишина. Только слышится издалека классическая музыка. И уставший женский голос: «Да сделайте потише!»

Я приоткрыла дверь и шагнула в темноту. Вытянула руки. Шаг вперед, еще шаг. Вдруг на меня набросились. Кто-то обхватил меня сзади и повис так, что мне пришлось опуститься на колени. На глаза набросили какую-то тряпку. Я чуть не задохнулась от ужаса, когда меня боком опустили на холодный кафельный пол.

– Только попробуй пикни, – услышала я шепот.

Мне показалось, что голос детский. Что происходит?

– Если ты пришла, чтобы опять испугать Сеню, то имей в виду...

– Тамара! Ира! Сколько раз можно просить, сделайте музыку потише... О боже! Что это такое?! Вы что, с ума сошли?

Меня рывком подняли на ноги, сдернули повязку.

В дверном проеме стояла полная женщина в фартуке поверх байкового халата. Выражение лица – усталое, брови сердито сдвинуты. В руках – половая тряпка. Рядом со мной – две девчонки, одна лет восьми-девяти, другая – лет двенадцати. Все трое были похожи – плотно сбитые, со светлыми вьющимися волосами (у женщины – собранные под ободок), с крепкими руками и полными ногами. Все трое сердито взирали друг на друга, пока старшая девчонка не посмотрела на меня и не пробормотала:

– Ой. Это не та!

– С ума сошли! – повторила гневно женщина, – марш к Сеньке, обе! Сделайте ему музыку потише.

– Я к Варе, – сказала я женщине.

– Это я, – сказала она, – ты в порядке? Сестры совсем распоясались.

Я уставилась на нее. Все, я могу возвращаться домой и смело вычеркивать Варю из списка подозреваемых. Не могла эта тетенька поджечь стул завкафедрой. Она похожа на булочницу Асону, приютившую ведьму Кики и всегда готовую прийти на помощь. Полная, веселая, добрая. Ну, может, не слишком веселая...

– Мы не знали, что это не ТА! – пробурчала старшая девочка.

– Ты сегодня сделаешь музыку ПОТИШЕ? – гаркнула Варя и шлепнула сестру тряпкой.

«И не слишком добрая, – подумала я, – надо все-таки провести допрос».

– Испугалась? – это она уже мне сказала.

– Д-да так... А кого они хотели поймать?

– Понятия не имею. У них сейчас период дурацкий. Играют в разбойников. А мне вот извиняться приходится. Прости, пожалуйста. Проходи на кухню. Ты от Анны Семеновны?

– Да... Она попросила меня, то есть вас, позаниматься со мной, – проговорила я, разуваясь.

– Кого – вас?

– Вас, Варя. Это я вежливо.

– Ой, брось! – отмахнулась тряпкой Варя, – не надо вежливо. Давай на «ты». Чем заниматься?

Я прошла на крошечную кухоньку и огляделась. Газовая плита еще советской марки. Табуретки с ножками, прикрученными проволокой. Дешевые тарелки и чашки – я такие видела в сельском магазине у нас на даче. Никогда не думала, что кто-то может купить себе тарелку, украшенную грибом-поганкой. Оказывается, есть такие люди. На столе – заштопанная клеенка, на полу – заклеенный линолеум. В общем, как пишут в книгах, чисто, но бедно. И как они тут умеваются с тремя детьми?

– Фонетикой. И переводом.

– Да?! А где я время возьму?

Варя швырнула тряпку под раковину и включила конфорку под чайником.

– Кофе будешь?

Вылитая Асона. Тоже предложила Кики кофе на первой встрече.

– Лучше чай. То есть ты не будешь со мной заниматься?

– Придется, – вздохнула Варя, – мне лучше с ними не спорить, выгонят еще.

Она насыпала себе кофе, в другую чашку кинула пакетик чая, залила обе кипятком.

– Ничего, что мы на кухне? Наверное, родители скоро придут, – сказала я, усаживаясь у окошка.

На подоконнике в баночке сидела луковица, она протягивала зеленые стрелки вверх, а белые тонкие корни – вниз, к воде. Из окна виднелась Останкинская башня.

– У нас их нет, – ответила Варя, открывая дверцу холодильника и исчезая за ней.

– Как – нет?

– Папа умер. Мама уехала в Польшу. Ухаживает там за больными старушками и не собирается возвращаться. Денег не присылает.

Варя выложила на стол упаковку сливок, колбасу, сыр, а еще достала кастрюлю и поставила ее возле раковины.

– А кто следит за твоими сестрами?

– Я. Не только за сестрами, но и за братом.

«Сеня», – вспомнила я, и меня передернуло от воспоминания, какой ужас мне пришлось вытерпеть десять минут назад, во время «игры в разбойников». Варя добавила в свой кофе сливки и принялась готовить бутерброды.

– Твой брат работает?

– Да. Дома. Комиксы рисует.

– Комиксы?! А можно мне глянуть?

Варя оторвалась от бутербродов и внимательно посмотрела на меня.

– Так тебя Анна Семеновна прислала? Или кто-то еще?

– Анна Семеновна... Просто я сама комиксы рисую. У меня целая галерея рисунков на sozdaikomiks.ru. Ник – Соль. А у твоего брата какой?

– Понятия не имею.

– Хоть рисунки покажи...

– Подумаю. Займемся фонетикой? Или переводом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.